

Шаломытов Николай Васильевич

Грибоедов и музыка

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 03
ББК 92
Н63

Н63 **Николай Васильевич Ш.**
Грибоедов и музыка / Шаломытов Николай Васильевич – М.: Книга по Требованию, 2023. –
36 с.

ISBN 978-5-521-30615-2

ISBN 978-5-521-30615-2

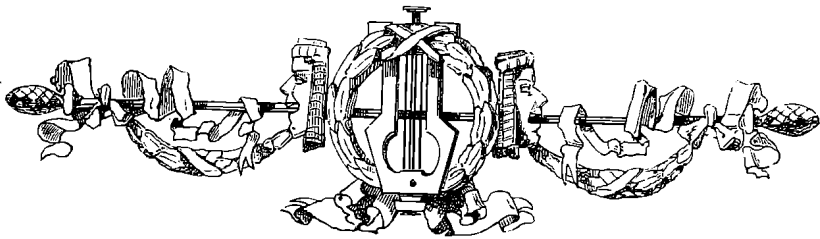
© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ГРИБОЎДОВЪ И МУЗЫКА

ВЪ ПЛОХО разработанной біографіи А. С. Грибоѣдова довольно дружно отмѣчается черта, исключительно при-
сущая гению этого замѣчательнаго человѣка и необык-
новенно характерная,—глубокое, неизмѣнное тяготѣніе
его къ музыкѣ, къ фортепіано... Самый задушевный
другъ Грибоѣдова С. Н. Бѣгичевъ свидѣтельствуетъ,
говоря о 13-лѣтнемъ Грибоѣдовѣ, что онъ «имѣлъ не-
обыкновенную способность къ музыкѣ, игралъ
отлично на фортепіано, если бѣ посвятилъ себя только
этому искусству, конечно, сдѣлался бы первоклас-
снымъ артистомъ». Еще ребенкомъ, повидимому,
Грибоѣдовъ началъ учить музыка; по крайней мѣрѣ,
сестра его, получившая домашнее только образованіе
(она была на два года старше брата), сдѣлалась вскорѣ
извѣстной въ Москвѣ музыкантшей, и домъ Грибоѣдовыхъ «на Но-
винской площади» собиралъ въ послѣдствіи въ своихъ стѣнахъ вы-
дающихся представителей тогдашней музыкальной Москвы — гра-
фовъ Віельгорскихъ, А. Н. Верстовскаго, кн. В. Ѳ. Одоевскаго,
А. А. Алябьева, А. В. Всеволожскаго и др. «Часто въ домѣ Гри-
боѣдовыхъ устраивались музыкальные кружки,—вспомнилъ по-
томъ кн. В. Ѳ. Одоевскій: — Марья Сергѣевна (сестра писателя)
превосходно играла и на фортепіанѣхъ, и въ особенности на арфѣ»¹⁾.

¹⁾ Домъ Грибоѣдовыхъ, какъ извѣстно, сохранился и до нашихъ дней и почти въ томъ же видѣ, какъ былъ при жизни писателя. Конечно, послѣ 1812 года онъ былъ перестроенъ: надстроенъ второй деревянный этажъ, нѣсколько рас-
ширены службы и т. п. Онъ стоитъ въ Москвѣ, на углу Новинскаго бульвара и
Б. Девятинск. пер. и принадлежитъ наслѣдникамъ В. И. Ускова. На его фасадѣ
можно разглядѣть и сейчасъ оставшіяся, вѣроятно, по традиціи, лѣпныя укра-
шенія въ видѣ лиръ.

Трудно сказать, кто былъ учителемъ музыки у Грибоѣдовыхъ, можно лишь предполагать, что это былъ Фильдъ, очень извѣстный и модный въ то время преподаватель и музыкантъ¹⁾. Необходимо отмѣтить, что интересъ къ музыкѣ въ пору дѣтства и юности Грибоѣдова поддерживался широкимъ распространеніемъ въ Москвѣ домашнихъ концертовъ и вообще театральныхъ зрѣлищъ, почти всегда сопровождавшихся или музыкой, или пѣніемъ, а чаще и тѣмъ, и другимъ. Домашнихъ театровъ въ самомъ концѣ XVIII столѣтія насчитывалось немало: «въ 1796 году въ Москвѣ существовало до двадцати домовыхъ театровъ, при коихъ были оркестры музыки, оперныя и даже балетныя труппы,—сообщаетъ хорошо освѣдомленный театральный лѣтописецъ П. Араповъ:—у графа Шереметева былъ свой театръ не только въ городѣ, но и въ двухъ подмосковныхъ имѣніяхъ: въ Кусковѣ и Останкинѣ устроены были сцены съ изящнымъ вкусомъ; туда съѣзжалось все высшее общество, а народъ ликовалъ въ саду или передъ домомъ боярскимъ, гдѣ сжигались блестящіе фейерверки... Въ началѣ XIX вѣка эти домашніе театры еще болѣе разрослись. Особенно славились—«Степана Степановича Апраксина, гдѣ играли часто и благородные любители, Николая Алексѣевича Дурасова и кн. М. Волконскаго» (у нихъ располагался извѣстный П. А. Плавильщиковъ) и, конечно, театръ П. А. Познякова, которымъ долго управлялъ извѣстный артистъ Сила Сандуновъ. Театру этому пришлось функционировать во время пребыванія Наполеона въ Москвѣ, а разорившійся впоследствии хозяинъ его заслужилъ осужденіе поэта въ лицѣ Чацкого:

Или тотъ еще, который для затѣи
На крѣпостной балетъ согналъ толпы дѣтей,
Отъ матерей, отцовъ отторженныхъ и сиротъ!
Самъ погруженъ умомъ въ Амурахъ и Зефирахъ
Заставилъ и Москву дивиться ихъ красѣ!
Но должниковъ не согласилъ къ отсрочкѣ:—
Амуры и Зефиры всѣ
Распроданы по одиночкѣ!

¹⁾ Джонъ Фильдъ (1782—1837) былъ ученикъ Клементи и съ 1804 г. поселился въ Россіи. Его вальсы, фантазіи, романсы, полонезы, а особенно nocturnы, которые онъ первый началъ писать, приводили въ свое время въ восторгъ музыкальные круги и публику. Однимъ изъ его учениковъ былъ А. Н. Верстовскій, авторъ «Аскольдовой могилы». Любопытный отзывъ объ его исполненіи оставилъ М. И. Глинка, который взялъ у него нѣсколько уроковъ: «Казалось, что не онъ ударялъ по клавишамъ, а сами пальцы падали на нихъ, подобно крупнымъ каплямъ дождя, и разсыпались жемчугомъ по бархату. Ни я, ни другой искренній любитель музыкальнаго искусства не согласится съ мнѣніемъ Листа, сказавшаго однажды при мнѣ, что Фильдъ игралъ вяло (endormi); нѣтъ, игра Фильда была часто смѣла, капризна и разнообразна, но онъ не обезображивалъ искусства шарлатанствомъ и не рубилъ пальцами котлетъ, подобно большей части новѣйшихъ модныхъ пѣанистовъ». (Записки М. И. Глинки, стр. 13). Скончался Фильдъ въ Москвѣ и погребенъ на Введенскомъ кладбищѣ. На памятникѣ его можно прочесть «John Field born in Ireland in 1782, dead in Moscow in 1837. Erected to thys memory by his grateful friends and scholars».

Мы знаемъ, что и Алексѣй Ѳедоровичъ Грибоѣдовъ (дядя писателя и прототипъ Фамусова), женатый на А. С. Нарышкиной, не отставалъ отъ богатыхъ меценатовъ и устраивалъ до 1812 года въ Москвѣ, въ своемъ замоскворѣцкомъ домѣ, а затѣмъ и въ Петербургѣ маскарады и спектакли, на которые разсылалъ приглашенія именитымъ людямъ. Московскіе императорскіе театры возникли на глазахъ 11-лѣтняго Грибоѣдова изъ подобнаго же частнаго театра А. Е. Столыпина, крѣпостная труппа котораго цѣликомъ была куплена въ казну. Театръ въ домѣ Пашкова (на Моховой, гдѣ университетская церковь) и императорскій Арбатскій театръ (на Арбатской площади, гдѣ теперь стоитъ памятникъ Н. В. Гоголю) не рѣшались еще во времена юнаго Грибоѣдова присвоивать себѣ исключительное право на театральныя публичныя зрѣлища, и московскіе студенты, современники Грибоѣдова, очень любили посѣщать, напримѣръ, публичныя представленія частной нѣмецкой труппы Штейнсберга въ Демидовскомъ театрѣ. Императорская французская труппа, а за ней и русская давали одновременно съ драмой и балетомъ оперы слѣдующихъ авторовъ: Моцарта, Глюка, Керубини, Далейрака, Мегюля, Мартини, Сальери, Чимарозо, Буальдѣ, Изуара, Стейбелъта, Крейцера, Кауера, Кавоса, Кашина, Давыдова, Титова и другихъ. Въ разнообразномъ репертуарѣ этой итальянской, нѣмецкой и преимущественно французской оперы развивался музыкальный слухъ юноши Грибоѣдова. Всего ближе, однако, могли вліять на Грибоѣдова концерты и спектакли въ московскомъ университетѣ и благородномъ университетскомъ пансіонѣ, гдѣ въ организаціи развлеченія благороднаго юношества принимали горячее участіе профессоръ (П. Страховъ, Н. Сандуновъ) и выдающіеся артисты того времени П. А. Плавильщиковъ и С. Н. Сандуновъ. Особенно П. Страховъ поощрялъ студентовъ къ музыкѣ и театральнымъ представленіямъ. По указаніямъ нѣкоторыхъ, Грибоѣдовъ даже самъ принималъ участіе въ любительскихъ спектакляхъ. Такимъ образомъ, Грибоѣдовъ университету обязанъ не только широкимъ своимъ развитіемъ въ области строго научнаго мышленія и познаній, но отчасти и своей привязанностью къ театру и музыкѣ¹⁾. «Онъ страстно любилъ музыку,—свидѣтельствуетъ К. Полевой,—и съ самыхъ юныхъ лѣтъ сдѣлался превосходнымъ фортепіанистомъ. Механическая часть игры на фортепіано не составляла для него никакой трудности». Намѣченная имъ докторская степень, къ которой онъ стремился и готовился по окончаніи университета, усердно посѣщая

¹⁾ Питомецъ благороднаго университетскаго пансіона въ Москвѣ, кн. В. О. Одоевскій всегда съ благодарностью вспоминалъ нѣкоего Шпревича—учителя музыки при московскомъ университетѣ,—который первый познакомилъ его съ Бахомъ.

лекцій и частные курсы излюбленныхъ профессоровъ, не далась ему. Насталъ неожиданно «черный годъ» для Москвы и всей Россіи. Наполеонъ побѣдоносно двигался съ своими войсками на древнюю столицу, и мирной жизни и юношескимъ планамъ Грибоѣдова грозилъ конецъ. Покинувъ родной кровъ подъ Новинскимъ уже добровольцемъ-корнетомъ гусарскаго полка, Грибоѣдовъ посѣщалъ его затѣмъ только во время своихъ кратковременныхъ проѣздовъ черезъ Москву. Но и въ своей полубивуачной жизни онъ не пренебрегалъ случаемъ воспользоваться первымъ подвернувшимся подъ руку хорошо знакомымъ ему музыкальнымъ инструментомъ. Такъ, племянникъ Грибоѣдова Д. А. Смирновъ рассказываетъ, со словъ С. Н. Бѣгичева, какъ лѣтомъ 1814 года Грибоѣдовъ съ Бѣгичевымъ забрались какъ-то еще до начала службы въ монастырскую католическую церковь въ Брестъ-Литовскѣ, гдѣ стоялъ въ то время ихъ Иркутскій гусарскій полкъ: «Бѣгичевъ остался внизу, а Грибоѣдовъ отправился на хоры, гдѣ органъ. Ноты были раскрыты. Собрались монахи, началась служба. Когда по порядку службы потребовалась музыка, Грибоѣдовъ заигралъ и игралъ долго и отлично». Правда, онъ выкинулъ при этомъ непристойную шутку: вдругъ прекратилъ играть по нотамъ и познакомилъ молящихся католиковъ съ развеселой русской камаринской. Но въ этомъ эпизодѣ съ 19-лѣтнимъ гусаромъ, вырвавшимся на свободу изъ-подъ домашней опеки, обыкновенно упускаютъ изъ виду явное влеченіе Грибоѣдова къ инструменту, котораго, конечно, негдѣ было достать въ бѣдномъ жидовскомъ мѣстечкѣ, какимъ былъ, особенно въ то время, Брестъ, и наличіе котораго въ храмѣ властно потянуло молодого музыканта на монастырскіе хоры, а также несомнѣнное знакомство Грибоѣдова даже съ церковной музыкой... Въ концѣ того же года Грибоѣдовъ уже былъ въ сѣверной столицѣ и могъ отводить душу за милымъ его сердцу фортепіано, посѣщать концерты, театры, гдѣ онъ быстро сдѣлался своимъ человѣкомъ. Черезъ князя Шаховскаго, который, кромѣ комедій, писалъ и оперы и былъ въ то время, «властелиномъ русской сцены», Грибоѣдовъ долженъ былъ познакомиться съ знаменитымъ Кавосомъ, капельмейстеромъ и опернымъ композиторомъ, и многими другими музыкальными дѣятелями, стоявшими близко къ сценѣ. Къ этому періоду его жизни (1815—1818) относятся его первыя театральныя пьесы, въ которыхъ неизмѣнно отводится хотя и небольшое мѣсто музыкѣ («Молодые супруги», гдѣ Эльмира садится за фортепіано и поетъ романсъ, а А. М. Колосова, одна изъ исполнительницъ этой роли, кромѣ того, прелестно, по свидѣтельству современниковъ, играла рондо Фильда; «Притворная невѣрность», гдѣ одно изъ дѣйствующихъ лицъ уходитъ съ пѣніемъ изъ «Жоконды» (извѣстной въ то время оперы Изуара); «Проба интермедіи», гдѣ всѣ поютъ и танцуютъ, а актеръ Алегринъ прямо заявляетъ: «Музыки у насъ вволю, выби-

рай любую» и т. д.). Въ Петербургѣ музыкальность Грибоѣдова сдѣлалась настолько общеизвѣстной, что онъ прямо заявляетъ министру Нессельроде на предложеніе ѣхать на службу въ Персію: «Музыканту и поэту нужны слушатели, читатели, ихъ нѣтъ въ Персіи...». Но обстоятельства «все-таки заставили Грибоѣдова покинуть Петербургъ и принять предложенную службу при персидской миссіи. Проѣздомъ черезъ Москву Грибоѣдову послѣ музыкальнаго Петербурга показалась особенно холодной и безучастной къ его таланту древняя столица. «Въ Москвѣ все не по мнѣ,—возмущается онъ въ письмѣ къ Вѣгичеву (18/IX. 1818):—праздность, роскошь, не сопряженные ни съ малѣйшимъ чувствомъ къ чему-нибудь хорошему. Прежде тамъ любили музыку, нынче и она въ пренебреженіи: ни въ комъ нѣтъ любви къ чему-нибудь изящному»... Заброшенный въ дикую страну, онъ скучаетъ по любезномъ своему фортепіано, которое ему не высылали, можетъ быть, потому, что считали его уже неспособнымъ къ игрѣ послѣ дуэли съ жестокимъ Якубовичемъ, который намѣренно прострѣлилъ ему въ Тифлисѣ ладонь, хорошо зная, что лишитъ Грибоѣдова возможности играть значить отнять у него полжизни. Ему остается въ Персіи только чутко прислушиваться къ своеобразной восточной музыкѣ и мотивамъ и сопоставлять ихъ съ русскими солдатскими пѣснями. При выводѣ изъ Персіи русскихъ плѣнныхъ солдатъ въ 1819 г.—этомъ смѣломъ патріотическомъ подвигѣ юнаго дипломата,—Грибоѣдовъ записалъ въ своемъ дневникѣ слѣдующія слова: «Пѣсни: «Какъ за рѣченькой слободушка». «Во полѣ дороженька». «Солдатская душечка, задушевный другъ». Воспоминанія. Невольно слезы накатились на глаза. «Спѣвались ли вы въ батальонѣ?»¹⁾—«Какія, ваше благородіе, пѣсни? Бывало, пьяные безъ голоса, трезвые объ Россіи тужать»...

Но Грибоѣдову, къ счастью, только слегка свело мизинецъ послѣ дуэли и когда ему удалось наконецъ вырваться изъ Тавриза къ Ермолову на службу, онъ спѣшитъ пріобрѣсти у Н. Н. Муравьева едва ли не единственное въ Тифлисѣ фортепіано, за которымъ наслаждается по цѣлымъ днямъ. Въ это же время онъ посѣщаетъ домъ П. Н. Ахвердовой, дочь которой рассказывала пишущему эти строки, что поэтъ часто, придя къ ея матери, садился за инструментъ и игралъ большею частью вещи своего сочиненія... Искренно любя музыку, онъ любилъ пріохочивать къ ней и другихъ. «Поклонись Алексѣю Скуратову,—пишетъ онъ Катенину (1817 г.),—да сажай его почаще за фортепіано». Будущую жену свою, тогда еще маленькую дѣвочку, княжну Чавчавадзе, онъ любилъ больше всего видѣть за фортепіано и слѣдилъ за

¹⁾ Въ персидскомъ батальонѣ, на службѣ у персовъ.

ея исполненіемъ. О томъ же свидѣтельствуешь и Е. П. Соковнина: «Любовь къ музыкѣ и серьезному чтенію были развиты во мнѣ (ей было тогда 12 лѣтъ) моимъ дядей С. Н. Бѣгичевымъ и его другомъ А. С. Грибоѣдовымъ»...—Вскорѣ по приѣздѣ въ отпускъ изъ Тифлиса въ Москву, постомъ 1823 года, Грибоѣдовъ отдался обработкѣ привезенныхъ съ собою первыхъ двухъ актовъ «Горе отъ ума» или «Горе Уму», какъ называлась еще тогда комедія, не предназначавшаяся пока для сцены. «Онъ работалъ тамъ, гдѣ Богъ приведетъ, и почти никогда не трудился прибирать свою работу, рѣшительно не дорожа ею,—разсказывала сестра поэта своему родственнику Д. А. Смирнову.—Очень часто приходилъ онъ писать въ комнату сестры и потомъ разбрасывалъ листы своей рукописи по разнымъ угламъ дома, гдѣ ни попало. Комедія оставалась въ то время еще тайною не только для публики, но и для большинства знакомыхъ. Изъ числа ихъ графъ М. Ю. Віельгорскій, перебирая разныя ноты на фортепьяно Марьи Сергѣевны, нашелъ листъ, потомъ другой, третій, написанные стихами и рукою Грибоѣдова. На вопросъ хозяйкѣ, что это такое, она отвѣчала, желая замаять дѣло: «ce sont les folies d'Alexandre». Но было уже поздно». Віельгорскій почти насильно увезъ съ собою найденныя «folies» Грибоѣдова, и вѣсть о новой комедіи обѣжала Москву изъ устъ извѣстнаго въ то время музыканта-любителя... Легко представить себѣ изъ этого разсказа, какъ неразрывно поэтическое творчество А. С. Грибоѣдова связывалось съ музыкой, съ игрой, съ фортепьяно любимой сестры... «Забылись музыкой, и время шло такъ плавно» — вспоминаются слова Софьи изъ 1-го акта великой комедіи... Не только исполненіе, но и вопросы по теоріи музыки живо интересовали въ этотъ періодъ Грибоѣдова. Онъ часто съ кн. В. Ѳ. Одоевскимъ, тогда еще 20-лѣтнимъ молодымъ человѣкомъ, вступалъ въ бесѣду о законахъ гармоніи, останавливаясь на такихъ деталяхъ, что непосвященные отказывались понимать ихъ разговоръ. Кружокъ общихъ пріятелей даже подсмѣивался: «Ну, ужъ какъ Грибоѣдовъ съ Одоевскимъ заговорятъ о музыкѣ, пиши пропало: ничего не поймешь». Изъ одной записки Грибоѣдова въ Москвѣ видно порученіе Одоевскому купить Гессъ де-Кальве—Теорію музыки (или разсужденіе о семъ искусствѣ, перев. съ нѣмецкаго Разумникъ-Гонорскій, 2 ч. Харьковъ, 1818). Нѣкоторые приписываютъ вліянію петербургскаго профессора гармоніи Іоганна Миллера тщательное изученіе Грибоѣдовымъ законовъ музыки ¹⁾. Во всякомъ случаѣ «генераль-басъ онъ зналъ въ совершенствѣ»—свидѣтельствовала про брата сестра поэта... Набравшись непо-

¹⁾ Къ сожалѣнію, объ этомъ преподавателѣ музыки, котораго П. Бартеневъ, а за нимъ и А. Веселовскій въ своей біографіи А. С. Грибоѣдова производятъ въ «знаменитости», намъ не удалось собрать никакихъ свѣдѣній. Повидимому, Іоганнъ Миллеръ—самая скромная музыкальная величина.

средственных впечатлѣній о свѣтской Москвѣ, Грибоѣдовъ уѣхалъ къ Бѣгичевымъ въ ихъ имѣніе (Тульской губерніи, Ефремовскаго уѣзда с. Дмитріевское, Полевые Локотцы тожъ), гдѣ въ іюнѣ—августѣ 1823 года были написаны знаменитый 3-й и 4-й акты комедіи. Вернулся Грибоѣдовъ съ Бѣгичевыми въ Москву и поселился у нихъ же въ домѣ на всю зиму 1823—24 гг. Онъ усиленно занялся отдѣлкой своей комедіи и уединялся съ этою цѣлью по цѣлымъ днямъ въ своемъ кабинетѣ. «Тогда по вечерамъ,—сообщаетъ Е. П. Соковнина,—раздавались его чудныя импровизаціи на роялѣ, и я, имѣя свободный доступъ въ его кабинетъ, заслушивалась ихъ до поздней ночи. У меня сохранился сочиненный и написанный самимъ Грибоѣдовымъ вальсъ, который онъ передалъ мнѣ въ руки ¹⁾... Почти ежедневными посѣтителями дяди были кн. В. Ѳ. Одоевскій, В. Кюхельбекеръ и часто оживлялъ общество весельчакъ А. Н. Верстовскій, который тогда написалъ знаменитый свой романъ «Черная шаль» и пѣвалъ его съ особеннымъ выраженіемъ своимъ небольшимъ баритономъ, аккомпанируемый Грибоѣдовымъ». Тотъ же Верстовскій сочиняетъ музыку къ оперѣ-водевилю, спѣшно написанному А. С. Грибоѣдовымъ и княземъ П. А. Вяземскимъ къ бенефису извѣстной московской актрисы М. Д. Львовой-Синецкой (24-го января 1824 года). Она не имѣла успѣха въ Москвѣ, но все же раза 2—3 была повторена еще до отъѣзда Грибоѣдова изъ Москвы (5-го, 12-го и 16-го февраля 1824 г.). Хотя «Вѣстникъ Европы»—московскій журналъ, враждовавшій съ Грибоѣдовымъ и Вяземскимъ,—и замѣтилъ по поводу перваго представленія «Кто братъ, кто сестра»: «Г. Верстовскій сочеталъ блестящую талантомъ, прекрасную, богатую и знатную музыку свою съ водевилемъ, не имѣющимъ ни качествъ ея, ни преимуществъ», но не нужно упускать изъ виду, что «богатая и знатная» музыка, конечно, была прослушана предварительно Грибоѣдовымъ и Верстовскій не преминулъ воспользоваться компетентными указаніями такого тонкаго знатока музыки, какъ Грибоѣдовъ, который былъ и старше его, и гораздо болѣе его развитъ во всѣхъ отношеніяхъ. О какой-то оперѣ Верстовскаго «Мавры» Грибоѣдовъ вспомнилъ въ августѣ 1824 года уже въ Петербургѣ и хотѣлъ хлопотать объ ней въ цензурѣ. Самый выборъ національных сюжетовъ для своей музыки, который привелъ А. Н. Верстовскаго къ «Аскольдовой могилѣ»—первой русской оперѣ съ національнымъ сюжетомъ,—произошелъ, вѣроятно, не безъ вліянія А. С. Грибоѣдова, такъ горячо всегда терзавшагося за рабское подражаніе западнымъ образцамъ и взывавшаго къ пробужденію оригинальнаго національнаго творчества какъ въ литера-

¹⁾ Вальсъ этотъ съ автографа Грибоѣдова былъ напечатанъ при «Воспоминаніяхъ о Бѣгичевѣ»—Е. П. Соковниной въ «Историческомъ Вѣстникѣ», 1889 г., № 3. До того напечатанъ въ «Лирическомъ альбомѣ» на 1832 г., изд. И. Ласковскаго и Н. Норова, но съ нѣкоторыми измѣненіями противъ автографа.

турѣ, такъ и въ искусствѣ. Не даромъ онъ считалъ своимъ долгомъ собирать народныя пѣсни и чутко прислушивался къ ихъ красотамъ... Въ тотъ же сезонъ 1823—24 года Грибоѣдовъ часто видался и проводилъ время въ Москвѣ съ Александромъ Всеволодовичемъ Всеволожскимъ, который былъ хорошій музыкантъ и писалъ романсы. Сынъ его, покойный директоръ Эрмитажа И. А. Всеволожскій, рассказывалъ мнѣ, что его отецъ съ дѣтства былъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ авторомъ «Горе отъ ума» и пользовался особымъ расположеніемъ даже суровой матери Грибоѣдова... За годъ пребыванія своего въ 1824—25 году въ Петербургѣ Грибоѣдовъ истратилъ много труда и крови на окончательную переработку «Горе отъ ума» для сцены, на хлопоты по цензурѣ, на печатаніе двухъ крупныхъ изъ нея отрывковъ и на многократныя чтенія комедіи въ разнообразныхъ кругахъ петербургскаго общества. Поэтъ не имѣлъ въ Петербургѣ постоянной квартиры и перемѣнилъ за годъ около 6 мѣстъ жительства. Но излюбленный инструментъ у него, видимо, былъ всегда подъ рукой. По крайней мѣрѣ, П. А. Каратыгинъ вспоминалъ, какъ Сашка Грибовъ, молочный братъ и крѣпостной слуга поэта, однажды въ его присутствіи сѣлъ за хромоногое фортепіано своего барина и сыгралъ извѣстную пѣсню: «Барыня, сударыня, протяните ножку»... Уѣхавъ изъ Петербурга въ Крымъ лѣтомъ 1825 года, Грибоѣдовъ по дорогѣ въ Кіевъ встрѣтилъ общихъ съ Верстовскимъ знакомыхъ и послалъ въ Москву, въ письмѣ къ кн. В. Θ. Одоевскому, привѣтъ по адресу молодого музыканта: «Верстовскаго обними за меня; здѣсь я узналъ, что отецъ его перебрался на житье въ Москву, что же отъ того, лучше или хуже для музыки? Я почти увѣренъ,—сознается Грибоѣдовъ:—что истинный художникъ долженъ быть человѣкъ безродный. Прекрасно быть опорой отцу и матери въ важныхъ случаяхъ жизни, но вниманіе къ ихъ требованіямъ, часто мелочнымъ и нелѣпымъ, стѣсняетъ живое, свободное, смѣлое дарованіе».—Пріѣхавъ въ Симферополь, Грибоѣдовъ прислушивается къ мѣстнымъ напѣвамъ и музыкѣ. «Цыганская нынѣшняя музыка въ Крыму смѣсь татарскаго съ польскимъ и малороссійскимъ» ¹⁾—отмѣтилъ онъ въ путевыхъ запискахъ (24-го іюня 1825 года). Музыка занимаетъ его и при поѣздкѣ въ Бахчисарай. Въ симферопольской гостиницѣ пришлось столкнуться съ путешественниками, которымъ имя Грибоѣдова оказалось хорошо извѣстнымъ: «потому ли, что фортепіанная репутація моей сестры извѣстна, или чутьемъ открыли, что я умѣю играть вальсы и кадрили, ворвались ко мнѣ, осыпали привѣтствіями, и маленькій городокъ сдѣлался мнѣ тошнѣе Петербурга». Однимъ изъ этихъ путешественниковъ былъ Н. В. Сушковъ. Онъ вспоминалъ, что Грибоѣдовъ часто услаждалъ его на чужой сторонѣ

¹⁾ Сборникъ старинныхъ малороссійскихъ пѣсенъ былъ въ числѣ книгъ, которыя возилъ съ собою Грибоѣдовъ во время путешествія.

среди татаръ въ Крыму «своею пѣвучею, раздумною игрою на клави-кордахъ, по прежней бѣглости въ ней уже не было». Повидимому, сведенный послѣ дуэли съ Якубовичемъ мизинецъ давалъ себя знать. Разставшись съ Крымомъ, Грибоѣдовъ на нѣкоторое время разстался съ музыкой. Онъ переѣхалъ морскимъ путемъ на Сѣверный Кавказъ и проѣхалъ на линію къ начальнику штаба Ермолова—Вельяминову, гдѣ дѣлилъ походную жизнь съ рядовыми кавказскими офицерами. Высочайшій приказъ объ арестѣ постигъ его въ крѣпости Грозной, откуда съ фельдъегеремъ въ январскую стужу курьерскіе кони повезли поэта къ отвѣту въ Петербургъ. Тревожныя думы бродили въ головѣ арестованнаго, но и при тяжелыхъ обстоятельствахъ потребность подѣлиться настроеніемъ съ другомъ-фортепіано ни на минуту не покидаетъ Грибоѣдова. Въ Твери у фельдъегеря оказалась сестра, у которой была сдѣлана продолжительная передышка для государственнаго преступника. «Войдя въ комнату, Грибоѣдовъ увидалъ фортепіано... не вытерпѣлъ и сѣлъ къ нему... Девять битыхъ часовъ его не могли оторвать отъ инструмента!»—разсказывалъ, со словъ самого Грибоѣдова, С. Н. Вѣгичевъ. По пріѣздѣ въ Петербургъ Грибоѣдовъ былъ посаженъ подъ арестъ въ комнатахъ главнаго штаба (за переполненіемъ Петропавловской крѣпости), но подкупленный смотритель за арестованными капитанъ Жуковскій, когда дѣло Грибоѣдова и др. болѣе или менѣе выяснилось въ ихъ пользу, допускалъ всевозможныя по отношенію къ нимъ поблажки. Декабристъ Завалишинъ, заключенный вмѣстѣ съ Грибоѣдовымъ, разсказалъ, какъ Жуковскій водилъ ихъ обоихъ къ извѣстному Лореду (на Невскомъ рядомъ съ зданіемъ главнаго штаба); тамъ, въ отдѣльной комнатѣ кондитерской стояло фортепіано, и на немъ игралъ Грибоѣдовъ. Кромѣ того, сенаторъ А. А. Жандръ удостовѣрилъ, что Грибоѣдовъ почти всякую ночь приходилъ къ нему изъ-подъ ареста, «ужиналъ или пилъ чай и игралъ на фортепіано. Последнее и было его отрадой,—разсказывалъ сенаторъ:—...онъ былъ замѣчательный музыкантъ, не только ученый, но страстный, онъ возвращался отъ меня въ свою конуру только поздно ночью или на разсвѣтѣ»... Очевидно, съ старымъ другомъ Грибоѣдовъ менѣе всего стѣснялъ свои музыкальные порывы и забывался за инструментомъ. Когда лѣтомъ 1826 года Грибоѣдова, наконецъ, освободили изъ заключенія, онъ поселился на дачкѣ Косиковскаго, у Булгарина, на берегу Невки и, конечно, отдался на свободѣ музыкѣ. «Онъ страстно любилъ музыку, будучи самъ искусенъ въ игрѣ на фортепіано, — свидѣтельствуешь и Булгаринъ. — Фантазіи его и импровизаціи отзывались глубокимъ чувствомъ меланхоліи»... Въ Шуваловѣ, въ паркѣ, на такъ называемомъ «Парнасѣ», куда поэтъ ѣздилъ для прогулки, слухъ Грибоѣдова привлекли «звучные, плясовые напѣвы, голоса женскіе и мужскіе»... Онъ ихъ

заслушался. «Родныя пѣсни!—воскликаетъ онъ—Куда занесены вы съ священныхъ береговъ Днѣпра и Волги»?.. Эти пѣсни, однако, павѣяли грустныя мысли—о вѣчной розни, посѣянной между русской интеллигенціей и народомъ, и возвратили ихъ къ стародавнему прошлому, къ историческимъ воспоминаніямъ о временахъ необузданной вольности на широкой Волгѣ, къ простотѣ отечественныхъ нравовъ, «сердцу его чрезвычайно любезныхъ». Петербургъ, какъ кошмаръ, давилъ впечатлительную душу поэта воспоминаніями о друзьяхъ, изъ которыхъ одни поплатились жизнью (Рылѣевъ, Муравьевъ), другіе навсегда были оторваны отъ его вѣрной груди (кн. А. И. Одоевскій, В. К. Кюхельбекеръ, А. А. Бестужевъ и др.). Онъ уѣхалъ въ Москву, помышляя оставить службу навсегда; тамъ онъ «чуть-чуть не разсыпался отъ хворости». Цѣль жизни и дальнѣйшаго существованія, казалось, была ясна: «Поэзія! Люблю ее безъ памяти, страстно»... Но рядомъ съ этимъ сомнѣнія въ своихъ силахъ, которыя стали угнетать поэта вслѣдъ за окончаніемъ работы надъ «Горе отъ ума», ставили вопросъ: «Но любовь одна достаточна ли, чтобы себя прославить? Что слава? По словамъ Пушкина...

Лишь яркая заплата
На ветхомъ рубищѣ пѣвца.

«Кто насъ уважаетъ, пѣвцовъ истинно вдохновенныхъ, въ томъ краю, гдѣ достоинство цѣнится въ прямомъ содержаніи къ числу орденовъ и крѣпостныхъ рабовъ? Все-таки Шереметьевъ у насъ затмилъ бы Омира (Гомера), скотъ, но вельможа и крезъ. Мученье быть пламеннымъ мечтателемъ въ краю вѣчныхъ спѣговъ»...¹⁾ Среди глубокихъ сомнѣній и разочарованій Грибоѣдовъ уступилъ фамусовскимъ и хлестовскимъ идеаламъ родни и поѣхалъ согласно съ настойчивыми желаніями матери опять на Кавказъ продолжать службу при Ермоловѣ подъ тайнымъ покровительствомъ кузена—новой восходящей звѣзды новаго царя—генерала Паскевича. Служебное положеніе было фальшивое. Приходилось вертѣться между двумя генералами, которые не знали, какъ повѣриѣ насолить другъ другу. Грибоѣдовъ и тутъ искалъ утѣшенія въ поэзіи и въ обществѣ испытанной своей пріятельницы П. Н. Ахвердовой, гостепріимный кровъ которой давалъ ему возможность помузицировать и отдохнуть душой въ семейной обстановкѣ отъ служебныхъ дразгъ и интригъ. Но кризисъ кончился. Ермоловъ отставленъ. Объявленъ походъ на Эривань, и Грибоѣдовъ надолго распро-

¹⁾ Эти слова, написанныя поэтомъ въ письмѣ къ С. Н. Бѣгичеву, отъ 9 декабря 1826 г. (автографъ въ «Музеѣ имени А. С. Грибоѣдова» въ Москвѣ), напоминаютъ рѣшительныя слова Пушкина: «Чортъ догадалъ меня родиться въ Россіи съ умомъ и талантомъ».